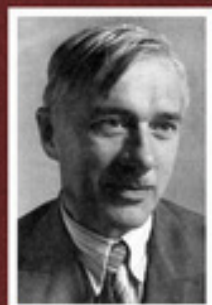


О.Генри

Короли и капуста



Перевод с английского
Корнея Чуковского

ФТМ



О. Генри

Короли и капуста

«ФТМ»

1904

О. Генри

Короли и капуста / О. Генри — «ФТМ», 1904

ISBN 978-5-4467-0754-6

Новеллы О. Генри (настоящее имя Уильям Сидней Портер, 1862–1910) на протяжении вот уже ста лет привлекают читателя добрым юмором, оптимизмом, любовью к «маленькому американцу», вызывая интерес и сочувствие к жизненным перипетиям клерков, продавщиц, бродяг, безвестных художников, поэтов, актрис, ковбоев, мелких авантюристов, фермеров. Ярким примером оригинального стиля О. Генри является повесть «Короли и капуста» (1904), состоящая из авантюрно-юмористических новелл, действие которых происходит в Латинской Америке, но вместо королей у него президенты, а вместо капусты – пальмы.

ISBN 978-5-4467-0754-6

© О. Генри, 1904

© ФТМ, 1904

Содержание

От переводчика	5
Присказка плотника	6
I. «Лиса-на-рассвете»	9
II. Лотос и бутылка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

О. Генри

Короли и капуста

От переводчика

Морж и Плотник гуляли по берегу. У берега они увидели устриц. Им захотелось полакомиться, но устрицы зарылись в песок и глубоко сидели в воде. Морж, чтобы выманить их из засады, предложил им пойти прогуляться.

– Приятная прогулка! Приятный разговор! – соблазнял он простодушных устриц.

Те поверили и побежали за ним, как цыплята.

– Давайте же начнем! – сказал Морж, усаживаясь на прибрежном камне. – Пришло время потолковать о многих вещах: о башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях.

Но, несмотря на такую большую программу, рассказ Моржа оказался очень коротким: скоро слушатели все до одного были съедены.

Эту печальную балладу знают решительно все англичане, так как она напечатана в их любимейшей детской книге «Сквозь зеркало», которую они читают с раннего детства до старости. Сочинил ее Льюис Кэрролл, автор «Алисы в волшебной стране». Книга «Сквозь зеркало» есть продолжение «Алисы».

Повторяем: Морж ничего не сказал ни о башмаках, ни о кораблях, ни о сургучных печатях, ни о королях, ни о капусте. Вместо него сделал это О. Генри. Он так и озаглавил эту книгу – «Короли и капуста», и принял все меры к тому, чтобы «выполнить обещания» Моржа. В ней есть глава «Корабли», есть глава «Башмаки», в ней, уже во второй главе, фигурирует сургуч, и если чего в ней нет, так только королей и капусты. Не потому ли именно эти слова поставлены в заглавии книги? Но автор утешает нас тем, что вместо королей у него президенты, а вместо капусты – пальмы.

Сам же он – Плотник, меланхолический спутник Моржа, и свою присказку ведет от лица Плотника.

Присказка плотника

Вам скажут в Анчурии, что глава этой утлой республики, президент Мирафлорес, погиб от своей собственной руки в прибрежном городишке Коралио; что именно сюда он убежал, спасаясь от невзгод революции, и что казенные деньги, сто тысяч долларов, которые увез он с собой в кожаном американском саквояже на память о бурной эпохе своего президентства, так и не были найдены во веки веков.

За один реал любой мальчишка покажет вам могилу президента. Эта могила – на окраине города, у небольшого мостика над болотом, заросшим манговыми деревьями. На могиле, в головах, простая деревянная колода. На ней кто-то выжиг каленым железом:

Рамон Анхель де лас Крусес
и Мирафлорес
Президенте де ла Республика
Де Анчуриа
Да будет ему судьбою Господь!

В надписи сказался характер этих легких духом и незлобивых людей: они не преследуют того, кто в могиле. «Да будет ему судьбою Господь!» Даже потеряв сто тысяч долларов, о которых они все еще продолжают вздыхать, они не питают вражды к похитителю.

Незнакомцу или заезжему человеку жители Коралио расскажут о трагической кончине своего бывшего президента. Они расскажут, как он пытался убежать из их республики с казенными деньгами и донной Изабеллой Гилберт, молодой американской певичкой; как, пойманный в Коралио членами оппозиционной политической партии, он предпочел застрелиться, лишь бы не расстаться с деньгами и сеньоритою Гилберт. Дальше они расскажут, как донна Изабелла, почувствовав, что ее предприимчивый челнок на мели, что ей не вернуть ни знатного любовника, ни сувенира в сто тысяч, бросила якорь в этих стоячих прибрежных водах, ожидая нового прилива.

Еще вам расскажут в Коралио, что скоро ее подхватило благоприятное и быстрое течение в лице американца Франка Гудвина, давнего жителя этого города, негоцианта, создавшего себе состояние на экспорте местных товаров. Это был банановый король, каучуковый принц, герцог кубовой краски и красного дерева, барон тропических лекарственных трав. Вам расскажут, что сеньорита Гилберт вышла замуж за сеньора Гудвина через месяц после смерти президента и, таким образом, в тот самый момент, когда Фортуна перестала улыбаться, отвоевала у нее, вместо отнятых этой богиней даров, новые, еще более ценные.

Об американце Франке Гудвине и его жене здешние жители могут сказать только хорошее. Дон Франк жил среди них много лет и добился большого почета. Его жена стала – без всяких усилий – царицей великосветского общества, поскольку таковое имеется на этих непритязательных берегах. Сама губернаторша, происходящая из гордой кастильской фамилии Монтелеон-и-Долороса-де-лос-Сантос-и-Мендес, и та считает за честь развернуть салфетку своей оливковой ручкой, украшенной кольцами, за столом у сеньоры Гудвин. Если в вас еще живут суеверия Севера и вы попытаете намекнуть на то недавнее прошлое, когда миссис Гудвин была опереточной дивой и своей бестрепетно бойкой манерой увлекла немолодого президента, если вы заговорите о той роли, которую она сыграла в прегрешениях и гибели этого сановника, – жители Коралио, как истые латиняне, только пожмут плечами, и это будет их единственный ответ. Если у них и существует предвзятое мнение в отношении сеньоры Гудвин, это мнение целиком в ее пользу, каково бы оно ни было в прошлом.

Казалось бы, здесь не начало, а конец моей повести. Трагедия кончена. Романтическая история дошла до своего апогея, и больше уже не о чем рассказывать. Но читателю, который

еще не насытил своего любопытства, покажется, пожалуй, поучительным всмотреться поближе в те нити, которые являются основой замысловатой ткани всего происшедшего.

Колоду, на которой начертано имя президента Мирафлореса, ежедневно трут песком и корою мыльного дерева. Старик метис преданно ухаживает за этой могилой со всею тщательностью прирожденного лодыря. Широким испанским ножом он выпалывает сорные растения и пышную, сочную траву. Своими загрубелыми пальцами он выковыривает муравьев, скорпионов, жуков; ежедневно он ходит за водою на площадь к городскому фонтану, чтобы окропить дерн на могиле. Нигде во всем городе ни за одной могилой не ухаживают так, как за этой.

Только высмотрев тайные нити, вы уясните себе, почему этот старый индеец Гальвес получает по секрету жалованье за свою нехитрую работу, и почему это жалованье платит Гальвесу такая особа, которая и в глаза не видала президента, ни живого, ни мертвого, и почему, чуть наступают сумерки, эта особа так часто приходит сюда и бросает издалика печальные и нежные взгляды на бесславную насыпь.

О стремительной карьере Изабеллы Гилберт вы можете узнать не в Коралио, а где-нибудь на стороне. Новый Орлеан дал ей жизнь и ту смешанную испано-французскую кровь, которая внесла в ее душу столько огня и тревоги. Образования она почти не получила, но выучилась каким-то инстинктом оценивать мужчин и те пружины, которые управляют их действиями. Необыкновенная страсть к приключениям, к опасностям и наслаждениям жизни была свойственна ей в большей мере, чем обычным, заурядным женщинам. Ее душа могла порвать любые цепи; она была Евой, уже отведавшей запретного плода, но еще не ощутившей его горечи. Она несла свою жизнь, как розу у себя на груди.

Из всех бесчисленных мужчин, которые толпились у ее ног, она, говорят, снизошла лишь к одному. Президенту Мирафлоресу, блестящему, но беспокойному правителю Анчурийской республики, отдала она ключ от своего гордого сердца. Как же это так могло случиться, что она, если верить туземцам, стала супругой Франка Гудвина и зажила без всякого дела дремотною, тусклою жизнью?

Далеко простираются тайные нити – через море, к иным берегам. Если мы последуем за ними, мы узнаем, почему сыщик О'Дэй, по прозвищу Коротыш, служивший в Колумбийском агентстве, потерял свое место. А чтобы время прошло веселее, мы сочтем своим долгом и приятной забавой прогуляться вместе с Момусом¹ под звездами тропиков, где некогда, печально суровая, гордо выступала Мельпомена². Смеяться так, чтобы проснулось эхо в этих роскошных джунглях – и хмурых утесах, где прежде слышались крики людей, на которых нападают пираты, отшвырнуть от себя копье и тесак и кинуться на арену, вооружившись насмешкой и радостью; из заржавленного шлема романтической сказки извлекать благодатную улыбку веселья – сладостно заниматься такими делами под сенью лимонных деревьев, на этом морском берегу, похожем на губы, которые вот-вот засмеются.

Ибо живы еще предания о прославленных «Испанских морях». Этот кусок земли, омываемый бушующим Карибским морем и выславший навстречу ему свои страшные тропические джунгли, над которыми высится заносчивый хребет Кордильер, и теперь еще полон тайн и романтики. В былые годы повстанцы и морские разбойники будили отклики среди этих скал, на побережье, работая мечами и кремневыми ружьями в зеленых прохладах и снабжая обильной пищей вечно кружащихся над ними кондоров. Эти триста миль береговой полосы, столь знаменитой в истории, так часто переходили из рук в руки, то к морским бродягам, то к неожиданно восставшим мятежникам, что едва ли они знали хоть раз за все эти сотни лет, кого называть своим законным владыкой. Пизарро, Бальбоа, сэр Фрэнсис Дрейк и Боливар³ сделали все,

¹ Момус – шут богов, бог насмешки.

² Мельпомена – муза трагедии.

³ Франсиско Пизарро (1475–1517) – испанец, завоеватель Перу; Бальбоа (1475–1571) – испанец, один из первых исследо-

что могли, чтобы приобщить их к христианскому миру. Сэр Джон Морган, Лафит⁴ и другие знаменитые хвастуны и громилы терзали их и засыпали их ядрами во имя сатаны Аваддона.

То же происходит и сейчас. Правда, пушки бродяг замолчали, но разбойник-фотограф (специалист по увеличению портретов), но щелкающий кодаком турист и передовые отряды благовоспитанной шайки факиров вновь открыли эту страну и продолжают ту же работу. Торгаши из Германии, Сицилии, Франции выуживают отсюда монету и набивают ею свои кошельки. Знатные проходимцы толпятся в прихожих здешних повелителей с проектами железных дорог и концессий. Крошечные опереточные народы забавляются игрою в правительства, покуда в один прекрасный день в их водах не появляется молчаливый военный корабль и говорит им: не ломайте игрушек! И вслед за другими приходит веселый человек, искатель счастья, с пустыми карманами, которые он жаждет наполнить, пронырливый, смысленный делец – современный сказочный принц, несущий с собою будильник, который лучше всяких поцелуев разбудит эти прекрасные тропики от тысячелетнего сна. Обычно он привозит с собою трилистник⁵ и кичливо водружает его рядом с экзотическими пальмами. Он-то и выгнал из этих мест Мельпомену и заставил Комедию плясать при свете рампы Южного Креста.

Так что, видите, нам есть о чем рассказать. Пожалуй, неразборчивому уху Моржа эта повесть полюбится больше всего, потому что в ней и вправду есть и корабли, и башмаки, и сургуч, и капустные пальмы, и (взамен королей) президенты.

Прибавьте к этому щепотку любви и заговоров, посыпьте это горстью тропических долларов, согретых не только пылающим солнцем, но и жаркими ладонями искателей счастья, и вам покажется, что перед вами сама жизнь – столь многословная, что и болтливейший из Моржей утомится.

вателей, добравшихся до Тихого океана; сэр Фрэнсис Дрейк (1540–1596) – англичанин, мореплаватель и колонизатор; Боливар (1783–1830) – виднейший борец за независимость испанских колоний в Центральной и Южной Америке.

⁴ Дж. Морган (1635–1688) – английский пират и завоеватель; Лафит (1780–1825) – французский корсар и путешественник.

⁵ Трилистник – национальное растение Ирландии, ее эмблема и герб.

І. «Лиса-на-рассвете»

Коралио нежился в полуденном зное, как томная красавица в сурово хранимом гареме. Город лежал у самого моря на полоске наносной земли. Он казался брильянтиком, вкрапленным в ярко-зеленую ленту. Позади, как бы даже нависая над ним, вставала – совсем близко – стена Кордильер. Впереди расстиралось море, улыбающийся тюремщик, еще более неподкупный, чем хмурые горы. Волны шелестели вдоль гладкого берега, попугаи кричали в апельсиновых деревьях и сейбах, пальмы склоняли свои гибкие кроны, как неуклюжий кордебалет перед самым выходом прима-балерины.

Внезапно город закипел и взволновался. Мальчишка-туземец пробежал по заросшей травой улице, крича во все горло: «Busca el Señor Гудвин! Ha venido un telégrafo por el!»⁶

Весь город услышал этот крик. Телеграммы не часто приходят в Коралио. Десятки голосов с готовностью подхватили воззвание мальчишки. Главная улица, параллельная берегу, быстро переполнилась народом. Каждый предлагал свои услуги по доставке этой телеграммы. Женщины с самыми разноцветными лицами, начиная от светло-оливковых и кончая темно-коричневыми, кучками собрались на углах и запели мелодично и жалобно: «Un telégrafo para Señor Гудвин!» Comandante дон сеньор Эль Коронель Энкарнасион Риос, который был сторонником правящей партии и подозревал, что Гудвин на стороне оппозиции, с присвистом воскликнул: «Эге!» – и записал в свою секретную записную книжку изобличающую новость, что сеньор Гудвин такого-то числа получил телеграмму.

Кутерьма была в полном разгаре, когда в дверях небольшой деревянной постройки появился некий человек и выглянул на улицу. Над дверью была вывеска с надписью: «Кьюу и Клэнси»; такое наименование едва ли возникло на этой тропической почве. Человек, стоявший в дверях, был Билли Кьюу, искатель счастья и борец за прогресс, новейший пират Карибского моря. Цинкография и фотография – вот оружие, которым Кьюу и Клэнси осаждали в то время эти неподатливые берега. Снаружи у дверей были выставлены две большие рамы, наполненные образцами их искусства.

Кьюу стоял на пороге, опершись спиной о косяк. Его веселое, смелое лицо выражало явный интерес к необычному оживлению и шуму на улице. Когда он понял, в чем дело, он приложил руку ко рту и крикнул: «Эй! Франк!» – таким зычным голосом, что все крики туземцев были заглушены и умолкли.

В пятидесяти шагах отсюда, на той стороне улицы, что поближе к морю, стояло обиталище консула Соединенных Штатов. Из этого-то дома вывалился Гудвин, услышав громогласный призыв. Все это время он курил трубку вместе с Уиллардом Джедди, консулом Соединенных Штатов, на задней веранде консульства, которая считалась прохладнейшим местом в городе.

– Скорее! – крикнул Кьюу. – В городе и так уж восстание из-за телеграммы, которая пришла на ваше имя. Не шутите такими вещами, мой милый. Надо же считаться с народными чувствами. В один прекрасный день вы получите надушенную фиалками розовую записочку, а в стране из-за этого произойдет революция.

Гудвин зашагал по улице и разыскал мальчишку с телеграммой. Волоокие женщины взирали на него с боязливым восторгом, ибо он был из той породы, которая для женщин притягательна. Высокого роста, блондин, в элегантном белоснежном костюме, в *zapatos*⁷ из оленьей кожи. Он был чрезвычайно учтив; его учтивость внушала бы страх, если бы ее не умеряла сострадательная улыбка. Когда телеграмма была, наконец, вручена ему, а мальчишка, полу-

⁶ Разыщите сеньора Гудвина! Для него получена телеграмма! (исп.)

⁷ Туфли (исп.).

чив свою мзду, удалился, толпа с облегчением вернулась под прикрытие благодетельной тени, откуда выгнало ее любопытство: женщины – к своей стряпне на глиняных печурках, устроенных под апельсиновыми деревьями, или к бесконечному расчесыванию длинных и гладких волос, мужчины – к своим папиросам и разговорам за бутылкой вина в кабачках.

Гудвин присел на ступеньку около Кью и прочитал телеграмму. Она была от Боба Энглхарта, американца, который жил в Сан-Матео, столице Анчурии, в восьмидесяти милях от берега. Энглхарт был золотоискатель, пылкий революционер и вообще славный малый. То, что он был человеком находчивым и обладал большим воображением, доказывала телеграмма, которую получил от него Гудвин. Телеграмма была строго конфиденциального свойства, и потому ее нельзя было писать ни по-английски, ни по-испански, ибо политическое око в Анчурии не дремлет. Сторонники и враги правительства ревностно следили друг за другом. Но Энглхарт был дипломатом. Существовал один-единственный код, к которому можно было прибегнуть с уверенностью, что его не поймут посторонние. Это могучий и великий код уличного простонародного нью-йоркского жаргона. Так что, сколько ни ломали себе голову над этим посланием чиновники почтово-телеграфного ведомства, телеграмма дошла до Гудвина никем не разобранная. Вот ее текст:

«Его пустозвонство юркнул по заячьей дороге со всей монетой в кисете и пучком кисеи, от которого он без ума. Куча стала поменьше на пятерку нолей. Наша банда процветает, но без кругляшек туго. Сгребите их за шиворот. Главный вместе с кисейным товаром держит курс на соль. Вы знаете, что делать.

Боб».

Для Гудвина эта нескладница не представила никаких затруднений. Он был самый удачливый из всего американского авангарда искателей счастья, проникших в Анчурию, и, не будь у него способности предвидеть события и делать выводы, он едва ли достиг бы столь завидного богатства и почета. Политическая интрига была для него коммерческим делом. Благодаря своему большому уму он оказывал влияние на главарей-заговорщиков; благодаря своим деньгам он держал в руках мелкоту – второстепенных чиновников. В стране всегда существовала революционная партия, и Гудвин всегда готов был служить ей, ибо после всякой революции ее приверженцы получали большую награду. И теперь существовала либеральная партия, жаждавшая свергнуть президента Мирафлореса. Если колесо повернется удачно, Гудвин получит концессию на тридцать тысяч акров лучших кофейных плантаций внутри страны. Некоторые недавние поступки президента Мирафлореса навели его на мысль, что правительство падет еще раньше, чем произойдет очередная революция, и теперь телеграмма Энглхарта подтверждала его мудрые догадки.

Телеграмма, которую так и не разобрали анчурийские лингвисты, тщетно пытавшиеся приложить к ней свои знания испанского языка и начатков английского, сообщала Гудвину важные вести. Она уведомляла его, что президент республики убежал из столицы вместе с вверенными ему казенными суммами; далее, что президента сопровождает в пути обольстительная Изабелла Гилберт, авантюристка, певица из оперной труппы, которую президент Мирафлорес вот уже целый месяц чествовал в своей столице так широко, что, будь актеры королями, они и то могли бы удовольствоваться меньшими почестями. Выражение «заячья дорога» означало вычную тропу, по которой шел весь транспорт между столицей и Коралио. Сообщение о «куче», которая стала меньше на пятерку нолей, ясно указывало на печальное состояние национальных финансов. Также было до очевидности ясно, что партии, стремящейся к власти и не нуждающейся уже в вооруженном восстании, «придется очень туго без кругляшек». Если она не отнимет похищенных денег, то, приняв во внимание, сколько военной добычи придется раздать победителям, невеселое будет положение у новых властей. Поэтому

было совершенно необходимо «сгрести главного за шиворот» и вернуть средства для войны и управления.

Гудвин передал депешу Кьюу.

– Прочитайте-ка, Билли. Это от Боба Энглхарта. Можете вы разобрать этот шифр?

Кьюу сел на пороге и начал внимательно читать телеграмму.

– Это совсем не шифр, – сказал он, наконец. – Это называется литературой, это некая языковая система, которую навязывают людям, хотя ни один беллетрист не познакомил их с нею. Выдумали ее журналы, но я не знал, что телеграфное ведомство приложило к ней печать своего одобрения. Теперь это уже не литература, а язык. Словари, как ни старались, не могли вывести его за пределы диалекта. Ну а теперь, когда за ним стоит Западная Телеграфная, скоро возникнет целый народ, который будет говорить на нем.

– Все это филология, Билли, – сказал Гудвин. – А понимаете ли вы, что здесь написано?

– Еще бы! – ответил философ-практик. – Никакой язык не труден для человека, если он ему нужен. Я как-то ухитрился понять даже приказ улетучиться, произнесенный на классическом китайском языке и подтвержденный дулом мушкета. Это маленькое произведение изящной словесности называется «Лиса-на-рассвете». Играли вы в эту игру, когда были мальчишкой?

– Как будто, – ответил Франк со смехом. – Все берутся за руки и...

– Нет, нет, – перебил его Кьюу. – Я говорю вам про отличную боевую игру, а вы путаете ее с игрою «Вокруг куста». «Лиса-на-рассвете» не такая игра – за руки здесь не берутся, напротив! Играют так: этот президент и дама его сердца, они вскакивают в Сан-Матео и, приготовившись бежать, кричат: «Лиса-на-рассвете!» Мы с вами вскакиваем здесь и кричим: «Гусь и гусыня!» Они говорят: «Далеко ли до города Лондона?» Мы отвечаем: «Близехонько, если у вас длинные ноги». И потом мы спрашиваем: «Сколько вас?» – и они отвечают: «Больше, чем вы можете поймать!» И после этого игра начинается.

– В том-то и дело! – сказал Гудвин. – Нельзя, чтобы гусак и гусыня ускользнули у нас между пальцев: очень уж у них дорогие перья. Наша партия готова хоть сегодня взять на себя верховную власть; но если касса пуста, мы останемся у власти не дольше, чем белоручка на необъезженном мустанге. Мы должны играть в лисицу на всем берегу, чтобы не дать беглецам улизнуть...

– Если они едут на мулах, – сказал Кьюу, – они доберутся сюда только на пятый день. Времени достаточно. Всюду, где можно, мы установим наблюдательные посты. Есть только три места на всем побережье, откуда они могут попасть на корабль: наш город, Солитас и Аласан. Там и нужно поставить стражу. Все это просто, как шахматная задача, – шах лисой и мат в три хода. Ах, гусыня и гусак, вот попали вы впросак! Милостью литературного телеграфа сокровища нашего захолустного отечества попадают прямо в руки честной политической партии, которая только и мечтает, как бы перевернуть его вверх тормашками.

Кьюу был прав. Путь из столицы был долгий и тяжкий. Неприятности сыпались одна за другой: лютая стужа сменялась жестоким зноем, из безводной пустыни вы попадали в болото. Тропинка карабкалась по ужасающим высям, вилась, как полусгнившая веревочка, над захватывающими дыхание безднами, ныряла в ледяные, сбегаящие со снежных вершин ручьи и скользила, как змея, по лесам, куда не проникает луч солнца, среди опасных насекомых и зверей. Спустившись с гор, эта дорога превращалась в трезубец, причем средний зубец вел в Аласан, один из боковых – в Коралио, другой – в Солитас. Между горами и морем лежала полоса наносной земли в пять миль шириной; здесь тропическая растительность приобретала особое богатство и разнообразие. Там и сям небольшие участки земли были отвоеваны у джунглей и на них разведены плантации сахарного тростника и бананов и апельсиновые рощи. Вся же остальная земля являла буйство бешеной растительности, где жили обезьяны, тапиры, ягуары, аллигаторы, чудовищные насекомые и гады. Где не было просеки, там была такая чаща, что

змея и та с трудом протискивалась сквозь путаницу ветвей и лиан. По предательским трясинам, покрытым тропической зеленью, могли двигаться главным образом крылатые твари. Бежавший президент и его спутница могли добраться до берега лишь по одной из описанных трех дорог.

– Только, Билли, не болтать никому! – посоветовал Гудвин. – Незачем нашим врагам знать, что президент сбежал. Я думаю, что в столице это мало кому известно. Иначе Боб не прислал бы мне секретной телеграммы. Да и в нашем городе давно кричали бы об этом. Теперь я пойду к доктору Савалья, и мы пошлем нашего человека перерезать телеграфный провод.

Когда Гудвин поднялся, Кью швырнул свою шляпу в траву перед дверью и испустил потрясающий вздох.

– Что случилось, Билли? – спросил Гудвин, останавливаясь. – Первый раз в жизни я слышу, что вы вздыхаете.

– И последний, – сказал Кью. – Этим скорбным дуновением ветра я обрекаю себя на жизнь, преисполненную похвальной, хоть и очень нудной честности. Что такое, скажите на милость, фотография по сравнению с возможностями великого и веселого класса гусakov и гусынь? Не то чтобы мне хотелось стать президентом, Франк, – и с таким богатством, как у него, я все равно не совладал бы, – но как-то совесть мучает, что засел тут и снимаю эти физиономии, вместо того чтобы набить карманы и удрать. Франк, а видали вы этот «пучок кисей», который его превосходительство свернул по швам и увез с собою?

– Изабеллу Гилберт? – спросил Гудвин, смеясь. – Нет, не видел. Но слышал о ней много, и мне кажется, что справиться с нею будет не так-то легко. Она пойдет напролом, будет драться и когтями и зубами. Не обольщайте себя романтическими мечтами, Билли. Иногда я начинаю подозревать, не течет ли в ваших жилах ирландская кровь.

– Я тоже никогда не видал этой дамы, – продолжал Кью, – но говорят, что рядом с нею все красавицы, прославленные в поэзии, мифологии, скульптуре и живописи, кажутся дешевыми клише. Говорят, что стоит ей взглянуть на мужчину, и он тотчас же превращается в мартышку и лезет на самую высокую пальму, чтобы сорвать ей кокосовый орех. Счастье этому президенту, ей-богу! Вы только вообразите себе: в одной руке у него черт знает сколько сотен и тысяч долларов, в другой – эта кисейная сирена; он скачет сломя голову на близком его сердцу осле, кругом пение птиц и цветы. А я, Билли Кью, по причине своего великого благородства должен корпеть в этой глупой дыре и ради насущного хлеба бессовестно коверкать физиономии этих животных лишь потому, что я не вор и не мошенник. Вот она, справедливость!

– Не горюйте! – сказал Гудвин. – Что это за лисица, которая завидует гусю? Кто знает, быть может, прелестная Гилберт почувствует влечение к вам и к вашей цинкографии после того, как мы отнимем у нее президента.

– Что будет совсем не глупо с ее стороны! – сказал Кью. – Но этому не бывать, она достойна украшать галерею богов, а не выставку цинкографических снимков. Она очень порочная женщина, а этому президенту просто повезло. Но я слышу, что там, за перегородкой, ругается Клэнси: ворчит, что я лодырничая, а он делает за меня всю работу.

Кью нырнул за кулисы своего ателье, и скоро оттуда донесся его неунывающий свист, который как будто сводил на нет его недавний вздох по поводу сомнительной удачи беглого президента.

Гудвин свернул с главной улицы в боковую, которая была гораздо уже и пересекала главную под прямым углом.

Эти боковые улицы были покрыты буйной травой, которую ревностно укрощали кривые ножи полицейских – для удобства пешего хождения. Узенькие каменные тротуары бежали вдоль невысоких и однообразных глинобитных домов. На окраинах эти улицы таяли, и там начинались крытые пальмовыми ветвями лачуги карибов и туземцев победнее, а также плюгавые хижины ямайских и вест-индских негров. Несколько зданий возвышалось над красными черепичными крышами одноэтажного города: башня тюрьмы, отель де лос Эстранхерос (гости-

ница для иностранцев), резиденция агента пароходной компании «Везувий», торговый склад и дом богача Бернарда Брэнигэна, развалины собора, где некогда побывал Колумб, и самое пышное здание – Casa Morena, летний «белый дом» президента Анчурии. На главной улице, параллельной берегу, – на коралийском Бродвее, – были самые большие магазины, почта, казармы, распивочные и базарная площадь.

Гудвин прошел мимо дома, принадлежащего Бернарду Брэнигэну. Это было новое деревянное здание в два этажа. В нижнем этаже помещался магазин, в верхнем обитал сам хозяин. Длинный балкон, окружавший весь дом, был тщательно защищен от солнца. Красивая, бойкая девушка, изящно одетая в широкое струящееся белое платье, перегнулась через перила и улыбнулась Гудвину. Она была не темнее лицом, чем многие аристократки Андалузии, она сверкала и переливалась искрами, как лунный свет в тропиках.

– Добрый вечер, мисс Паула, – сказал Гудвин, даря ее своей неизменной улыбкой. Он с одинаковой улыбкой приветствовал и женщин и мужчин. Все в Коралио любили приветствия гиганта-американца.

– Что нового? – спросила мисс Паула. – Ради бога, не говорите мне, что у вас нет никаких новостей. Какая жара, не правда ли? Я чувствую себя, как Марианна в саду – или то было в аду?⁸ Ах, так жарко!

– Нет, у меня нет никаких новостей, – сказал Гудвин, не без ехидства глядя на нее. – Вот только Джедди становится с каждым днем все ворчливее и раздражительнее. Если он в самом близком будущем не успокоится, я перестану курить у него на задней веранде, хотя во всем городе нет такого прохладного места.

– Он совсем не ворчит, – воскликнула порывисто Паула Брэнигэн, – когда он...

Но она не закончила и спряталась, внезапно покраснев, ибо ее мать была метиска, и испанская кровь придавала ей прелестную пугливую, которая служила украшением другой – ирландской – половины ее непосредственной души.

⁸ «Марианна на Юге» – стихотворение Теннисона.

II. Лотос и бутылка

Уиллард Джедди, консул Соединенных Штатов в Коралио, сидел и лениво писал свой годовой отчет. Гудвин, который по обыкновению зашел к нему покурить на своей любимой прохладной веранде, не мог отвлечь его от этого занятия и удалился, жестоко браня приятеля за отсутствие гостеприимства.

– Я буду жаловаться на вас в министерство, – сердился Гудвин. – Даже разговаривать со мною не хочет. Даже виски не попотчует. Хорошо же вы представляете здесь ваше правительство.

Гудвин побрел в гостиницу наискосок в надежде уломать карантинного доктора сразиться на единственном в Коралио бильярде. Он уже сделал все, что было нужно для поимки убежавшего президента, и теперь ему оставалось одно: ждать, когда начнется игра.

Консул был весь поглощен своим годовым отчетом. Ему было только двадцать четыре года, и в Коралио он прибыл так недавно, что его служебный пыл еще не успел остыть в тропическом зное, – между Раком и Козерогом такие парадоксы допускаются.

Столько-то тысяч гроздьев бананов, столько-то тысяч апельсинов и кокосовых орехов, столько-то унций золотого песка, столько-то фунтов каучука, кофе, индиго, сарсапариллы – подумать только, что экспорт по сравнению с прошлым годом увеличился на двадцать процентов!

Сердце консула было преисполнено радости. Может быть, там, в государственном департаменте, прочтут его отчет и заметят... но тут он откинулся на спинку стула и засмеялся. Он становится таким же идиотом, как и все остальные. Неужели он мог забыть, что Коралио – ничтожный городишко ничтожной республики, ютящейся на задворках какого-то второстепенного моря? Ему вспомнился Грэгг, карантинный врач, выписывавший лондонский журнал «Ланцет» в надежде найти там выдержки из своих докладов о бацилле желтой лихорадки, которые он посылал в министерство здравоохранения. Консул знал, что из полсотни его добрых знакомых, оставшихся в Соединенных Штатах, едва ли один слышал об этом самом Коралио. Он знал, что только два человека прочтут его годовой отчет: какой-нибудь мелкий чиновник в департаменте да наборщик казенной типографии. Может быть, наборщик заметит, что в Коралио коммерция начала процветать, и даже скажет об этом два слова приятелю, сидя вечером за кружкой пива и порцией сыра.

Только что он написал: «Крупные экспортеры Соединенных Штатов обнаруживают непонятную косность, позволяя французским и немецким фирмам захватывать в свои руки почти все производительные силы этой богатой и цветущей страны...» – как услышал хриплый гудок паровой сирены.

Джедди отложил перо, надел панаму, взял зонт. По звуку он узнал, что прибыл пароход «Валгалла», один из грузовых пароходов компании «Везувий», занимавшейся перевозкой бананов, апельсинов и кокосов. Все в Коралио, начиная от пятилетних *piños*⁹, могли с точностью определить по свистку паровой сирены, какой пароход прибыл в город.

По извилистым дорожкам, защищенным от солнца, консул пробрался к морю. Благодаря долгой практике он вымеривал свои шаги так аккуратно, что появлялся на песчаном берегу как раз в то время, когда от судна отчаливала шлюпка с таможенными, которые производили осмотр товаров согласно законам Анчурии.

В Коралио нет гавани. Такие суда, как «Валгалла», должны бросать якорь за милю от берега. Их нагружают в море, легкие грузовые суденышки подвозят к ним фрукты. К Солитасу, где была отличная гавань, подходило много кораблей, но в Коралио – лишь грузовые, «фрук-

⁹ Младенцев (*исп.*).

товые». Редко-редко остановится в здешних водах каботажное судно, или таинственный бриг из Испании, или – с самым невинным видом – бесстыжая французская шхуна. Тогда таможенные власти удваивают свою бдительность и зоркость. И вот во мраке ночи между прибывшими судами и берегом начинают крейсировать какие-то загадочные шлюпки, а утром в галантерейных и винных лавчонках Коралио замечается множество новых товаров, которых не было еще вчера, в том числе бутылки с тремя звездочками. И говорят, что у таможенных в карманах их синих штанов с пунцовыми лампасами в такие дни звенит больше серебра, чем накануне, а в таможене не найти никаких документов, свидетельствующих о получении пошлины.

Шлюпка с таможенными и гичка «Валгаллы» прибыли к берегу одновременно. Впрочем, было так мелко, что пристать к самому берегу не представлялось возможности. Пять ярдов хороших волн отделяло прибывших от суши. Тогда полуголые карибы вошли в воду и понесли на себе судового комиссара с «Валгаллы» и маленьких туземных чиновников в бумажных рубашках, в соломенных шляпах с опущенными большими полями и в сине-пунцовых штанах.

В колледже Джедди славился своею игрою в бейсбол. Теперь он закрыл зонт, воткнул его в песок и, как лихой бейсболист, нагнулся, опираясь руками в колени. Комиссар, встав в позу подающего, швырнул консулу тяжелую пачку газет, перевязанную бечевкой (каждый пароход привозил консулу газеты). Джедди высоко подпрыгнул и с громким «твак!» поймал брошенную пачку. Гуляющие по берегу – почти треть всего населения – стали аплодировать и весело смеяться. Каждую неделю они ждали этого зрелища, и всегда оно доставляло им радость. В Коралио не поощряли новшеств.

Консул снова раскрыл свой зонтик и пошел обратно в консульство.

Представитель великой нации занимал деревянный дом с двух комнатах, обведенный с трех сторон галереей из пальмового и бамбукового дерева. Одна комната служила официальной конторой и была обставлена весьма целомудренно: письменный стол, гамак и три неудобных стула с тростниковыми сиденьями. Висевшие на стене две гравюры изображали президентов Соединенных Штатов, самого первого и самого последнего. Другая комната служила консулу жильем.

Было одиннадцать часов, когда он вернулся с берега: время для первого завтрака. Чанка, карибская женщина, которая стряпала для Джедди, только что накрыла стол на той стороне галереи, которая была обращена к морю и славилась как самое прохладное место в Коралио. На завтрак был подан бульон из акульих плавников, рагу из земных крабов, плоды хлебного дерева, жаркое из ящерицы, вест-индские маслянистые груши авокадо, только что срезанный ананас, красное вино и кофе. Джедди сел за стол и блаженно-лениво развернул свою пачку газет. Два дня подряд он будет читать здесь, в Коралио, обо всем, что творится на свете, с таким же чувством, с каким мы читали бы маловероятные сведения, сообщаемые той неточной наукой, которая тщится описывать дела марсиан. После того как он прочтет эти газеты, он предоставит их поочередно другим англо-американцам, живущим в Коралио.

Первая попавшаяся ему в руки газета принадлежала к разряду тех обширных печатных матрацев, на которых, как принято думать, читатели нью-йоркских газет вкушают свой литературный сон по воскресеньям. Консул разостлал ее перед собою на столе и подпер ее увесистый край с помощью спинки стула. Потом он не спеша занялся едой; изредка он переворачивал страницы и небрежно пробежал глазами по строкам.

Вдруг ему бросилось в глаза что-то страшно знакомое – занимающая половину страницы неряшливо оттиснутая фотография какого-то судна. Лениво всмотревшись в картинку, он всмотрелся и в заглавие статьи, напечатанное рядом крупнейшими буквами.

Да, он не ошибся. Картинка изображала «Идалию», восьмисоттонную яхту, принадлежащую, как говорилось в газете, «лучшему из лучших, Мидасу денежного рынка и образцу светского человека Дж. Уорду Толливеру».

Медленно потягивая черный кофе, Джедди прочитал статью. В ней подробно исчислялось все движимое и недвижимое имущество мистера Толливера, потом столь же подробно была описана его великолепная яхта, а дальше, в конце, сообщалась главная новость, крошечная, как горчичное зерно: мистер Толливер вместе со своими друзьями отправляется в шестинедельное плавание вдоль среднеамериканского и южноамериканского берега и среди Багамских островов. В числе его гостей находятся миссис Кэмберленд Пэйн и мисс Ида Пэйн из Норфолька.

Чтобы угодить своим читателям, автор статейки сочинил целый роман. Он так часто склеивал имена мисс Пэйн и мистера Толливера, что казалось, будто он уже держит над ними брачный венец. Жеманно и двусмысленно играл он словами: «в городе упорно говорят», «носятся слухи», «нас не удивило бы, если бы» – и в конце концов приносил поздравления.

Джедди, окончив завтрак, взял газеты, отправился к концу веранды и, опустившись в свое любимое палубное кресло, положил ноги на бамбуковые перила. Он закурил сигару и глядел в море. Ему было приятно сознавать, что прочитанное нисколько не взволновало его. Он радовался, что наконец-то ему удалось победить ту печаль, которая погнала его в добровольное изгнание в эту далекую страну лотоса¹⁰. Конечно, Иды ему не забыть никогда, но мысль о ней уже не причиняла ему боли. Когда Ида повздорила с ним, он напросился на эту консульскую службу в Коралию, горя желанием отомстить Иде, порвать не только с ней, но и со всей атмосферой, которая окружала ее. И это ему удалось. За весь год, что он находился в Коралию, ни он ей, ни она ему не написали ни единого слова, хотя от немногочисленных друзей, с которыми он еще изредка переписывался, он кое-что узнавал о ней. И все же ему было приятно узнать, что она до сих пор не вышла ни за Толливера, ни за кого другого. Но, очевидно, Толливер еще не потерял надежды.

¹⁰ Лотос – символ забвения всех печалей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.